

О ТРУДЕ Э. Х. КАРРА «СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ»

И. Н. ОЛЕГИНА

В обширной буржуазной литературе по истории Советского Союза выделяются работы английского историка Эдварда Хэллетта Карра¹. Опубликовав в 30-е годы ряд исследований по истории русского революционного движения, Э. Х. Карр после войны переключился на советскую тематику. В 1946 г. он прочел несколько лекций, которые были изданы затем особой книгой «Советское влияние на западный мир»². В 50-е годы один за другим вышли 6 из планируемых им 10 томов «Истории Советской России» (первые три тома под названием «Большевистская революция, 1917—1923»; четвертый — «Междоусобица, 1923—1924»; пятый и шестой — «Социализм в одной стране, 1924—1926») ³. Последнему периоду Карр намечает посвятить еще одну книгу, а затем выпустить три по теме «Основы планового хозяйства».

Репутация Карра как историка необычайно высока в академических кругах Запада. Редкий список рекомендуемой библиографии буржуазных работ по советскому обществу не содержит названия хотя бы одной его книги. Редактор английского журнала «Soviet Studies» Р. Шлезингер пишет о Карре как о «ведущем западном исследователе советской истории»⁴. Основания для выделения работ Карра из общей массы буржуазной литературы по истории СССР действительно имеются. Карр строит свои работы на богатом фактическом материале, используя почти все доступные ему советские источники: газеты, журналы, решения партии и правительства, выступления партийных и государственных деятелей; статистические материалы, многочисленные монографии и статьи 20-х и 30-х годов. При этом он понимает трудности, стоящие перед ученым одной страны, исследующим проблемы развития другой страны, к тому же с иным общественным строем. Он откровенно пишет, что «история Советской России, написанная англичанином, который не является ни марксистом, ни русским по происхождению, может показаться особенно рискованным предприятием»⁵. Чтобы уменьшить этот «риск», Карр прочел многие произведения марксистской литературы, и читателю порой трудно

¹ Э. Х. Карр многие годы пробыл на дипломатической службе: в 1919 г. был членом английской делегации на Парижской мирной конференции, в 1925—1929 гг. — первым секретарем посольства в Риге, в 1930—1933 гг. — помощником советника по делам Лиги Наций в английском МИД. В 30-е годы Карр написал ряд книг по вопросам международной политики: «International Relations Since the Peace Treaties» (1937), «The Twenty Years' Crisis» (1939), «Britain: A Study of Foreign Policy from Versailles to the Outbreak of War» (1939), и др.

² E. H. Carr. *The Soviet Impact on the Western World*, New York, 1947.

³ «The Bolshevik Revolution, 1917—1923», vls. 1—3, L., 1950—1953; «The Interregnum, 1923—1924», L., 1956; «Socialism in One Country, 1924—1926», vls. 1—2, L., 1958—1959.

⁴ «Soviet Studies», April 1960, p. 393.

⁵ E. H. Carr. *The Bolshevik Revolution*, vol. I, London, 1950, p. V.

отделаться от впечатления, что в разборе ряда вопросов он преувеличенно подчеркивает свое стремление максимально учесть точку зрения марксистско-ленинской исторической науки. Американский историк Уолш счел нужным заметить, что анализ автора «Большевистской революции» является «квази-марксистским»⁶.

Итак, находит ли читатель в трудах Карра достоверную картину развития советского общества? Может ли эрудированность в фактологии и источниковедении — даже если ею обладает добросовестный и серьезный исследователь — обеспечить проникновение в суть событий, понимание закономерностей исторического процесса? В каком смысле сказались на трудах Карра знакомство с марксистской методологией, раскрывающей эти закономерности?

Сразу же оговоримся, что данная статья не ставит целью разбор всего комплекса взглядов Карра на историю советского общества. Нас будет интересовать прежде всего освещение английским историком проблем социалистической индустриализации, которым он уделил преимущественное внимание в своей работе «Социализм в одной стране».

1. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ «СДВИГОВ» И «ПРЕЕМСТВЕННОСТИ» В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Рассмотрению конкретных событий советской жизни 1924—1926 гг. Карр предпосылает специальную методологическую главу «Наследие истории»⁷. Здесь он сообщает, что «построение социализма в одной стране» будет рассмотрено с точки зрения «взаимодействия между противоположными принципами преемственности и сдвигов, составляющими основу истории» (I, 3). К категории «сдвигов» Карр относит все явления, возникающие в ходе революционного преобразования общества, к категории «преемственности» — все явления, берущие свои истоки в старом строе: не упраздненные революцией или упраздненные, но потом возродившиеся вновь. Предоставим слово самому Карру: «В развитии революции, — пишет он, — элементы сдвигов и преемственности борются бок о бок, то вступая в конфликт друг с другом, то соединяясь, пока не образуется новый и прочный синтез. Этот процесс может длиться несколько лет или даже несколько поколений. Но, в общем и целом, чем больше расстояние во времени от начального влияния революции, тем более решительно принцип преемственности вновь утверждает себя вопреки принципу изменений» (I, 4).

Вообще говоря, любой ряд событий реального исторического процесса легко подвести либо под категорию «сдвигов», либо под категорию «преемственности». Попытаемся поэтому выявить то конкретно-историческое содержание, которое вкладывает в эти довольно-таки растяжимые понятия Карр. Начнем с первой категории. Если говорить о реальных и самых существенных сдвигах в истории России XX в., то к таковым относятся прежде всего социалистическая революция 1917 г., переход власти из рук буржуазии в руки пролетариата, ликвидация основ старого капиталистического способа производства в стране.

Но как раз эти основные революционные преобразования упускает из виду Карр при характеристике тех «сдвигов», которые предшествовали построению социализма в одной стране. Будучи нищей аграрной страной, дореволюционная Россия, по мнению Карра, не могла служить полем приложения марксистской теории революции. Приспосабливаясь к условиям России, Ленин связал эту теорию с крестьянской борьбой

⁶ W. B. Walsh. Russia and the Soviet Union, Ann Arbor, 1958, p. 635.

⁷ E. H. Carr. Socialism in One Country, vol. I, pp. 3—22. В дальнейшем все ссылки на эту работу даются в тексте, римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

за землю. «Уже в 1917 г. большевизм был марксизмом, примененным к русским условиям и интерпретированным в свете их», — пишет Карр (I, 17).

Сузив реальное социально-экономическое содержание такого величайшего сдвига, каким была Октябрьская революция, и приняв своеобразие условий России — капиталистической страны с преобладанием мелкокрестьянского хозяйства — за фактор, исключая возможность перехода к социализму (революция была «народнической», крестьянской и только), Карр получает возможность дополнить свой главный тезис о взаимодействии «сдвигов» и «преемственности» в русской истории другим методологическим тезисом буржуазной науки: абстрактным противопоставлением России Западу.

Положение об извечной отсталости России Карр кладет в основу всей концепции ее исторического развития. России постоянно приходилось догонять «Запад», и ее правители время от времени предпринимали отчаянные попытки преодолеть отсталость, носившие характер «революции сверху». В результате ход русской истории являл собой не образец плавной эволюции, а развитие «рывками и толчками», в котором «насильственное продвижение вперед» чередовалось с «не менее насильственной реакцией», причем даже в случае проведения в жизнь «западных нововведений» через некоторое время начиналось действие консервативной русской национальной традиции, которое быстро трансформировало «учреждения и социальные группы, непосредственно происходящие от имитации западных образцов, в нечто совершенно чуждое Западу и сугубо национальное» (I, 9, 10—11, 15).

Не внесли никаких изменений в эту картину появление марксистской партии в России и октябрьский «переворот» 1917 г. «Большевистская революция, — пишет Карр, — следовала в этом отношении образцу, твердо установленному в процессе русского национального развития. Проблема российской отсталости, которая преследовала большевистских вождей и обсуждалась ими в марксистских терминах сначала буржуазной, а затем социалистической революции, давным-давно довлела над русской политикой и русской мыслью... Проблема, которой задавались русские вожди в 1921 г., была, по сути дела, той же, что разделяла западников и славянофилов. Будет ли достигнут триумф социализма в России следованием западному пути, или же специфически русской линии развития? В первом случае надежды следовало возлагать на развитие индустрии и пролетариата, если нужно за счет крестьянина. Во втором — на умиротворение крестьянина и на обеспечение его поддержки в целях увеличения сельскохозяйственной продукции в качестве предпосылки для наступления социализма» (I, 8, 20—21).

«Или — или» — так ставит вопрос английский историк, размышляя о возможностях послеоктябрьского развития России; индустриализация или упор на сельское хозяйство, усиление позиций пролетариата или фаворитизм в отношении крестьянства.

Можно понять Карра — изучая новое общество, он мыслит категориями старого, автоматически переносит закономерности капиталистического строя на социализм. Он полагает, что взаимоотношения между городом и деревней в период индустриализации возможны лишь на основе эксплуатации первым второй. В советской стране это правило, типичное для капитализма, действовать не могло (об этом речь будет позднее). Решение экономических проблем в социалистическом обществе вообще снимает начисто излюбленную тему буржуазных идеологов «Россия — Запад» применительно к этому обществу. Пристрастие к ней при исследовании послеоктябрьского периода свидетельствует об одном — полном отрицании принципиального, качественного характера перемен, которые принесла социалистическая революция. Акцент при

описании «социализма в одной стране» постоянно переносится Карром в плоскость рассуждений о «преемственности» русской истории. А это заставляет и нас более детально заняться рассмотрением этой второй категории в трактовке Карра.

2. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИНЦИПА «ПРЕЕМСТВЕННОСТИ» В ИСТОРИИ РОССИИ. КЛАСС И ПАРТИЯ В ПОНИМАНИИ КАРРА

Торжество временно повергнутого в 1917 г. «принципа преемственности» воплотилось, если верить Карру, прежде всего в возникновении новой государственной власти.

Приняв бразды правления государством, доказывает Карр, любое правительство «проводит идеи и предпринимает действия, полярно противоположные делу революции». Не играет роли, где, когда и в чьих интересах действует правительство, ибо «в некоторых технических аспектах все правительства подобны друг другу». В конкретном случае с Октябрьской революцией этот общий «закон», по Карру, проявился в том, что Советское правительство «все более и более открыто становилось наследником русской государственной власти» и «провозглашало свои цели в выражениях, которые для чувствительного уха звучали безошибочным эхо прошлого России» (1, 4, 5, 21).

Для нас сейчас имеет второстепенное значение выяснение того, что при таком взгляде на государственную власть английский профессор понимает под радикальным претворением «принципа сдвигов» в жизнь (по-видимому, уничтожение всякой государственной власти вообще, состояние всеобщей анархии, воспетое век назад Бакуниным). Важно другое: свой тезис о Советской власти как носителе принципов «преемственности» Карр пытается подтвердить в главе «Класс и партия» конкретным историческим материалом. Его рассуждения сводятся к следующему: поскольку рабочий класс являлся меньшинством в общей массе населения России, он не мог осуществить весь сложный комплекс социально-экономических преобразований, диктуемых марксистским учением, которого придерживались большевики. И до превращения его в численно большой, научившийся управлять производством класс не могло быть и речи об «экономической или социальной» диктатуре пролетариата. Не мог малочисленный и не имеющий опыта политического управления класс осуществлять и политическую диктатуру. Правда, повествуя о героической роли рабочих в свержении Временного правительства, Карр пишет, что тогда «казалась эффективной» «концепция руководства пролетариата в революции» (I, 99). Та же мысль выражена и в первом томе написанной им ранее книги «Большевистская революция»: «Достигнутый почти без усилий успех восстания в Петрограде 25 октября 1917 г., казалось, показывал, что оно действительно было поддержано большинством населения»⁸. Но когда была развязана гражданская война, продолжает он, руководство революцией потребовало политической зрелости, которой не хватало русскому пролетариату, и вот тут-то на арену выступает партия — хорошо организованная, сплоченная и обладающая продуманной программой сила. Она и взяла на себя осуществление политической диктатуры от имени пролетариата, превратив тем самым революцию «снизу» в революцию «сверху».

Пытаясь доказать, что в СССР не было условий для существования диктатуры пролетариата и проведения в жизнь марксистских установок, Карр выставляет целую батарею аргументов: и мнимую неясность марксистского понятия класс («ни Маркс, ни Энгельс не объясняли точно, что они подразумевали под классом» — I, 91), и относи-

⁸ E. H. Carr. *The Bolshevik Revolution*, vol. I, p. 151—152.

тельную малочисленность русского рабочего класса («пролетарская революция совершилась в стране, где пролетариат был незначительным и отсталым меньшинством» — I, 94, 124), и факты определенной деклассированности пролетариата в первые годы нэпа («пролетариат не только уменьшился численно, но и потерял свой отчетливо выраженный характер» — I, 100), и данные о социальном составе советских руководящих работников (в руководстве было «заведомо незначительное число рабочих» I, 111), и факты привлечения бывших работников старого аппарата для работы в органах Советской власти. Все это, по мнению Карра, подводит исследователя к выводу о совершенной невозможности «построения социализма» в России. И все же сделать такой вывод Карр отказывается: «Провозглашение социализма в одной стране сопровождалось не стабилизацией на базе нэпа с его благоприятными последствиями для нэпмана и кулака или дальнейшим отступлением к капитализму, но лихорадочным стремлением к развитию тяжелой индустрии — традиционного оплота классово сознательного рабочего и беспрецедентно быстрым ростом пролетарской части общества, достигнутым через постепенное ограничение рыночной нэповской экономики и далеко идущей интенсификации планирования... В то время как промышленный пролетариат рассеялся и ослаб и его роль в экономике катастрофически упала, были тем не менее найдены средства сломить, казалось бы, непреодолимые силы, заинтересованные в сохранении существующих порядков и двинуть революцию по пути, предписанному марксистской доктриной. Как же осуществился этот парадокс, опрокинувший все тогдашние предсказания и, по-видимому, обусловивший тщетность попыток какого-либо рационального анализа?» (I, 125).

Прежде чем перейти к объяснениям Карра, отметим основную особенность приведенных теоретических построений. Они исходят, по существу, из двух взаимоисключающих посылок: 1) в Советской России не было объективных условий, требуемых, согласно марксистской доктрине, для построения социализма; 2) в Советской России началось быстрое созидание социализма «по пути, предложенному марксистской доктриной».

Уже из сопоставления этих посылок явствует, что ответы английского историка, разрешение сконструированного Карром парадокса будет лежать вне сферы исторического детерминизма. И действительно, Карр не обманывает этих ожиданий.

Правда, к его чести надо признать, что он точно обозначает одну из реальных предпосылок построения социализма в Советской России — радикальный слом старой государственной машины, полную ликвидацию всех политических институтов, способных выражать и защищать интересы эксплуататорских классов, еще сохранявшихся в условиях нэпа. «Русская революция, — пишет Карр, — зашла намного дальше, чем ее английская или французская предшественницы, в разрушении социальной и организационной (institutional) структуры старого режима... Во Франции, а еще более в Англии прежние учреждения и социальные группы, пусть искаленные и приведенные в негодность в борьбе, все же выжили в качестве различных черт нового пейзажа, их нельзя было не принимать в расчет. В России после гражданской войны выжили только индивиды, и задачей советского режима было взять в наследство (take over), использовать или нейтрализовать не учреждения или группы, но изолированных и неорганизованных индивидов, чья способность к сопротивлению или влиянию могла быть гораздо легче преодолена» (I, 125—126).

Но если Карр довольно близко подходит к реальным фактам при оценке разрушительной стороны пролетарской революции, сломавшей старую государственную машину и разбившей эксплуататорские классы, то он снова покидает фактическую почву при оценке положитель-

ной, созидательной стороны революционного процесса, отвечая на вопрос, чем была заменена разбитая государственная машина. Уверая, что в период нэпа партия «во всех отношениях подменила собой пролетариат» (I, 106), Карр не только недооценивает значение других пролетарских и массовых политических организаций в стране (профсоюзы, Советы), но и упорно не желает считать авангардную роль партии закономерным условием построения социализма. «В дни отчаянной борьбы накануне революции,— пишет он,— партия служила доверенным пролетариата и организатором его сил. С победой революции эта роль должна была стать излишней — пролетариат должен был быть готовым взять на себя бразды правления... Когда эти надежды были обмануты, когда послереволюционный период принес с собой борьбу не менее жестокую, чем в прежние годы, борьбу с врагами извне и изнутри, партия быстро была восстановлена в своей старой позиции и снова стала боевым авангардом пролетариата, организующим и ведущим за собой массы и властно говорящим от их имени» (I, 105).

Э. Карр, как видно, весьма тщательно изучал коммунистическую литературу, но так и не понял всю нелепость противопоставления классов и партий, о чем писал в свое время В. И. Ленин. «Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии *или* диктатура класса? диктатура (партия) *вождей или* диктатура (партия) *масс?*» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых *вождями*»⁹.

Превратив партию в некую надклассовую силу, овладевшую государством, Карр получает возможность самым произвольным образом трактовать суть ее экономической политики.

Как будто бы ясно, что свои социалистические преобразования Советская власть начала проводить, опираясь на обобществленные в ходе национализации орудия и средства производства. Национализация передала в руки пролетарского государства командные высоты народного хозяйства: землю, крупную промышленность, банки, транспорт, внешнюю торговлю. Так возник социалистический сектор хозяйства, и государство принимало все меры для его дальнейшего расширения и укрепления. Это осуществлялось двумя путями: 1) за счет вытеснения капиталистических элементов города и деревни, через кооперирование мелкого производства и оборота; 2) за счет расширенного социалистического воспроизводства.

В интерпретации же Карра весь этот процесс выглядит как следствие чисто волюнтаристских установок партии, решившей заменить отсутствие условий для социализма в стране своей собственной волей. «Политический фактор в виде партии должен учитываться при действительном анализе структуры советского общества, — заявляет Карр. — Анализ в чисто социальных и экономических категориях становится излишним» (I, 133—134). Превратно истолковав марксистский тезис о примате политики и забыв, что политика есть концентрированное выражение экономики (I, 131), он заключает, что «революция восторжествовала благодаря политическим действиям в экономически не-

⁹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 24.

зрелых — с точки зрения марксизма — условиях», что «пролетарская революция в России имела иные предпосылки, чем пролетарская революция, неотвратимое наступление которой Маркс предначертал для Западной Европы XIX в., и она выдвинула проблемы, которые лежали вне сферы марксистской доктрины» (I, 130, 131—132). Суть этих новых проблем, лежащих вне сферы марксизма, и была выражена в лозунге «социализм в одной стране».

Таким образом, с помощью целой системы умозрительных выводов Карр завершает «доказательства» своего априорного исходного тезиса — о Советской власти как носителе принципа «преемственности». Остается пустяк — «подтвердить» конкретными данными, что «социализм в одной стране» был повторением того, что уже случилось «бесчисленное число раз в русской истории» (I, 15).

3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — ПО ПРИМЕРУ ВИТТЕ?

Карр рассматривает индустриализацию как результат стремления большевиков подвести экономическую основу под диктатуру пролетариата, приведя тем самым положение в стране в соответствие с марксизмом и создав условия, «в которых диктатура пролетариата стала бы реальностью» (I, 134). Экономическая политика партии после XIV съезда (на котором был принят курс на индустриализацию страны и вокруг которого Карр поэтому группирует частные вопросы при разборе данной темы) была направлена, пишет он, «на расширение промышленности, начинающееся с производства средств производства и ведущее к развитию независимого самостоятельного народного хозяйства на социалистическом основании» (I, 513). Таково было первоначальное проявление дальнейших революционных преобразований, роли «принципа сдвигов» применительно к процессу индустриализации в нашей стране.

Но этим цели индустриализации, оказывается, не ограничивались. Исходя из своего основного тезиса о том, что «дело России и дело большевизма начали сливаться в одно неразрывное целое» (I, 21—22), Карр видит в ней в то же время и меру, продиктованную исконными национальными интересами России, которые ничуть не изменились после Октябрьской революции: «отсталому» Востоку все еще предстояло догонять «передовой» Запад. Такой угол зрения позволяет английскому историку обнаружить черты сходства между советской индустриализацией и бурным ростом капиталистической промышленности России в конце XIX в. или так называемой «индустриализацией Витте». С помощью этой параллели буржуазные ученые пытаются представить социалистическую индустриализацию как простое продолжение последней, по сути солидаризируясь с модной ныне на Западе теорией «единого индустриального общества», отождествляющей капитализм и социализм¹⁰. Карр считает, что в конце XIX в. будто бы было предвосхищено многое из того, что имело место 30 лет спустя в ходе пятилеток: русская тяжелая промышленность почти с момента своего рождения была связана скорее с производством «военного потенциала», чем с нуждами потребительского рынка; крестьянское население поддерживавшее свое существование собственными силами, не могло образовать крупный потребительский рынок. Промышленность «планировалась» в том смысле, что она зависела в первую очередь от правительственных заказов, а не от случайного рыночного спроса, и финансировалась займами, предоставлявшимися скорее по политическим причинам, чем под влиянием

¹⁰ См. Т. Н. von Laue. A Secret Memorandum of Sergei Witte on the Industrialization of Imperial Russia, «The Journal of Modern History», March 1954, p. 60—64; W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth, Cambridge, Mass., 1960, p. 66.

традиционного «капиталистического» мотива получения коммерческой прибыли (I, 12). Карр признает, правда, что советская индустриализация опиралась на собственные ресурсы, осуществлялась «независимо от Запада», но выявление этих отличий не отменяет его общих выводов.

Принципиальные положения Карра вызывают так много возражений, что придется остановиться только на самых важных. Начнем с установленной Карром «узости» потребительского рынка в СССР. В капиталистических странах узость потребительского рынка является проявлением и следствием антагонистического противоречия между производством и потреблением, ибо целью производства при капитализме является не производство товаров непосредственно, а получение прибыли, даже ценой милитаризации экономики. Что касается царской России конца XIX в., то потребительский рынок здесь еще более сузился сильными пережитками феодализма. Развитие капитализма в России было более трудным и мучительным, чем в западных странах, но, как показал В. И. Ленин в своих работах 90-х годов, внутренний рынок существовал в России, он создавался и развивался в ходе самого развития капитализма, углубляющего общественное разделение труда. Русская тяжелая промышленность не могла бы вскармливаться протекционистской политикой царизма, если бы необходимость ее создания не возникла в ходе экономического развития страны.

При социализме коренным образом меняется цель производства — ею становится обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества. Социалистическая индустриализация, заложившая основы социалистической экономики, была в конечном счете направлена именно на осуществление этой цели. В ходе индустриализации разрешалось основное противоречие переходного периода — между передовым государственным строем и отсталой экономикой страны. Индустриализация не только означала превращение страны из аграрной в индустриальную, техническую реконструкцию всего народного хозяйства, она и обеспечивала ее социальное преобразование, победу социалистического сектора над капиталистическим, превращение сельского хозяйства в коллективное и ликвидацию последнего эксплуататорского класса — кулачества. Тем самым создавались основы для непрерывного и быстрого роста благосостояния народа в будущем. Никакой имманентной узости потребительского рынка не могло быть в СССР, как не могло быть и стремлений преодолеть эту узость за счет военных «заказов».

Если социалистическое государство при этом и вынуждено было тратить часть средств на создание военной промышленности, то оно руководствовалось исключительно потребностями обороны, обусловленными наличием военной угрозы со стороны империалистических государств (угрозы, которая, как хорошо известно, не раз превращалась в действительное нападение); укрепление военного потенциала СССР ни в коем случае не вызывалось нуждами экономической системы. Больше того, отвлечение средств на военные нужды, на военное производство суживало возможности расширенного воспроизводства и в значительной степени замедляло развитие социалистической экономики, ибо танк или пушка — не станок и в дальнейшем увеличении народного богатства не участвует. Не будь капиталистического окружения и исходящей от него угрозы военного нападения, успехи в развитии народного хозяйства и уровень жизни в СССР были бы гораздо большими.

Кстати, в те годы, когда СССР совершал первые шаги по пути индустриализации, т. е. как раз тогда, когда и должна была бы проявиться «связь» производства с «военным потенциалом», если создание последнего играло главную роль, расходы на оборону страны были минимальными, больше того, доля средств, затраченных на оборону,

в расходной части бюджета в 1923/24—1927/28 гг. падала. Она составляла 17,7% в 1923/24 г., 15,7% — в 1924/25 г.¹¹, 14,4 — в 1925/26, 12,41 — в 1926/27 г., 12,34 — в 1927/28 г.¹², численность РККА на протяжении ряда лет оставалась стабильной: в 1924—1927 гг. она составляла 562 тыс.¹³). И только с усилением военной опасности в 30-е годы в СССР начинается рост военной промышленности.

Совершенно несостоятельны и попытки Карра провести параллель между экономической политикой царского правительства, поощрявшего развитие промышленности через систему казенных заказов, субсидий, займов, и планированием народного хозяйства в СССР. Правда, говоря о том, что развитие промышленности в России в 90-е годы «планировалось», Карр берет это слово в кавычки, но факт остается фактом: переход Советской России к плановому ведению хозяйства он объясняет опытом государственного вмешательства в экономику в прошлом, ставя тем самым в один ряд экономическую политику царского правительства и хозяйственное планирование, посредством которого осуществлялось создание социалистической индустрии.

Между тем экономическая политика и планирование — не одно и то же. В отличие от просто государственного вмешательства в экономику, планирование в условиях социализма является полным, всеобъемлющим; это — не отдельные меры по регулированию, а плановое руководство всем народным хозяйством, причем не в интересах монополий и финансовой олигархии, а всего общества. Политической предпосылкой социалистического планирования является завоевание пролетариатом государственной власти, экономической — социалистическое обобществление средств производства. Объективная основа планирования — закон планомерного пропорционального развития, он присущ только социалистической формации.

Характерно, что английский историк не связывает плановое ведение хозяйства исключительно с социализмом. Придерживаясь кейнсианских позиций, Карр считает, что главное содержание планирования заключается в регулировании соотношения вложений для производства средств производства и для производства предметов потребления¹⁴. С помощью такого определения ставятся на одну доску и планирование в СССР — стране социализма, и «планирование» в империалистических странах, и элементы планирования в слаборазвитых странах, приступающих к преодолению экономической отсталости; иными словами, планирование не связывается с исторически определенным способом производства, а именно с социализмом и коммунизмом.

Во втором томе «Большевистской революции» имеется специальная глава, посвященная началу планирования в Советской России. В книге «Новое общество» главнейшая тема — планирование и страны Запада. Эти книги вышли примерно в одно и то же время — в 1951 и в 1952 г. В «Большевистской революции» Карр верно характеризует отношение В. И. Ленина к планированию: «Ленин, защищая концепцию „плана“, ...делал четкое различие между планированием, которое было последней линией обороны капиталистического строя, и планированием, которое должно было стать инструментом перехода к социализму» (Карр приводит слова Ленина из работы «Удержат ли большевики государственную власть?», где он говорит: «мы за централизм и за „план“ пролетарского государства»)¹⁵.

¹¹ «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/1927 год», изд. 2-е, М., 1926, стр. 390.

¹² «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/1929 год», М., 1929, стр. 507. Подсчеты наши. — *И. О.*

¹³ Статистический справочник СССР за 1928 г., М., 1929, стр. 50—51.

¹⁴ E. H. Carr. The Soviet Impact on the Western World, p. 38.

¹⁵ E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, vol. 2, p. 363.

Судя по этому отрывку, Карр ничего не противопоставляет положению В. И. Ленина о том, что «планирование» для капитализма является вынужденной мерой, отчаянной попыткой не уступить своих позиций, удержаться на последних рубежах в борьбе с социализмом. В книге же «Новое общество» Карр призывает приспособить «планирование» во имя социальных целей к капиталистической «демократии»¹⁶, видя в этом «спасение» и будущее западной цивилизации.

Характерно следующее высказывание Карра: «Капиталистический строй девятнадцатого века трансформировался через процесс исторической эволюции в систему, где государственное вмешательство и государственное планирование повелительно необходимы. Что является еще неопределенным и спорным, так это цель, ради которой государство вмешивается и планирует. Трагедия нашего поколения заключается в том, что единственная цель, ради которой планирование до сих пор универсально и признается как необходимое и законное, есть обстоятельство войны»¹⁷. Планировать, мол, надо в социальных целях: для ликвидации безработицы, неравенства и т. д. Несмотря на иллюзии Карра и заглушевывание им классовой природы буржуазного «планирования», нельзя не отметить положительного момента в его рассуждениях. Капиталистическое «планирование» оказывается по его же собственному признанию противоречащим целям общественного прогресса, тем более, что милитаризация экономики ложится тяжким бременем на народные массы и представляет сильнейшую угрозу мира. Но Карр не может или не хочет признать, что эта милитаризация — характерная черта государственно-монополистического капитализма, она не случайна, а вытекает из его природы.

Учитывая вышеизложенное, вернемся к постановке Карром вопроса о связи планирования с индустриализацией на конкретном материале книги «Социализм в одной стране».

Карр признает, что курс на индустриализацию был одним из важных моментов, обусловивших переход к всеобъемлющему планированию. Начиная с преодоления кризиса «пожниц» 1923 г., элементы контроля и регулирования экономики накапливались, подготавливая такой переход, отмечает Карр (I, 492—493), а XIV съезд партии имел особо важное значение — индустриализация означала прежде всего развитие тяжелой промышленности, которое в советской экономике неизбежно было связано с планированием (I, 493). Еще ранее в своей книге «Советское влияние на западный мир» Карр проводил мысль о том, что ни индустриализация, ни социализм в одной стране не были бы достигнуты через действие «свободной экономики»¹⁸.

С другой стороны, процесс индустриализации расширял возможности планирования, ибо преобладающим элементом в народном хозяйстве становилась промышленность, а не крестьянское хозяйство — «экономическая форма, более чем какая-либо другая не поддающаяся планированию»¹⁹. Карр видит тесную взаимосвязь между решениями XIV съезда партии — об индустриализации и XV — о пятилетнем плане: «Решение проводить индустриализацию было основанием, на которое опирались пятилетние планы». По мнению Карра, если бы Советский Союз двигался вперед, делая упор на развитие сельского хозяйства, сельскохозяйственного экспорта и импорта потребительских товаров, на чем настаивали Сокольников и Рыков, то «планирование оставалось бы незначительным и неэффективным фактором», а «командные высоты советской экономики были бы подчинены капризам климата, полно-

¹⁶ E. H. Carr. The New Society, p. 39.

¹⁷ Ibid, p. 37.

¹⁸ E. H. Carr. The Soviet Impact on the Western World, p. 26.

¹⁹ E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, vol. 2, p. 364.

властного и неорганизованного крестьянина-единоличника и мирового рынка» (I, 508—509).

Как видно из приведенных высказываний Карра, для него ясно, что курс экономической политики Коммунистической партии содействовал укреплению планового начала в народном хозяйстве, вел к охвату планом всего хозяйства. Однако он оставляет в стороне тот факт, что в основе всего процесса лежат новые закономерности, вытекающие из сущности социалистического строя. Пролетарское государство через создание социалистического сектора экономики заложило основы новых производственных отношений, базирующихся на социалистической собственности на орудия и средства производства. Отрицая этот принципиальный факт, Карр не идет дальше отдельных полупризнаний, характер социалистической индустриализации так и не раскрывается в его трудах.

4. СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА В СССР В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ?

Сближение Карром целей и методов капиталистической и социалистической индустриализации захватывает и сферу взаимоотношений между городом и деревней. Тезис о несовместимости индустриализации и соглашения с крестьянством является одним из самых главных в книге Карра. Английский профессор считает, что советские руководители, взяв после XIV съезда курс на индустриализацию, отказались от союза с крестьянством, о котором В. И. Ленин говорил как об основном условии успеха социалистического строительства (II, 49; I, 20—21).

Политику партии в деревне, намеченную в решениях октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1924 г., XIV партконференции и апрельского и октябрьского Пленумов ЦК 1925 г., Карр и противопоставляет принятому XIV съездом партии курсу. Однако в действительности, в отличие от стоявшей на авантюристических позициях оппозиции, партия и до и после XIV съезда вела последовательную политику, рассчитанную на упрочение союза пролетариата с трудящимся крестьянством, на дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата.

В 1924 г. положение в стране сильно отличалось от того, которое было в начале нэпа. Промышленность и сельское хозяйство успешно восстанавливались, в условиях общего экономического подъема повышалась активность всех классов и групп. Рабочий класс окреп, завершалось собирание его сил. Крестьянство оправилось после гражданской войны и голода 1921/22 г. Подъем крестьянского хозяйства происходил на базе мелкотоварного производства. Между тем в хозяйственной и политической жизни деревни существовало еще много пережитков «военного коммунизма» (борьба административными методами против частной торговли, против краткосрочной аренды и найма рабочей силы; «командование» местных руководителей и т. д.), которые препятствовали дальнейшему развертыванию хозяйственного оборота. В такой обстановке обострилась борьба между пролетариатом и сельской буржуазией за руководство средним крестьянством. Недовольство середняка стремилось всеми силами использовать кулак. Обстановка явно диктовала необходимость принятия мер, которые содействовали бы преодолению колебания середняка и укреплению союза с ним.

Такие меры и были своевременно приняты. Осуществление «оживления Советов», развитие кооперации и привлечение в нее середняцких масс, снижение единого сельскохозяйственного налога и расширение прав аренды земли и найма рабочей силы, наконец, улучшение политической и культурно-просветительной работы на селе значительно улучшили политическую обстановку в деревне.

Карр считает, что сущностью «нового курса» партии в деревне было не укрепление союза со средним крестьянством, не изоляция кулачества,

как провозглашалось в партийных документах, а «ставка на кулака», «уступки» кулачеству (I, 275, 269). Но на деле партия вела иную линию. Союз с середняком был укреплен, а производство сельскохозяйственных продуктов значительно увеличилось. Принимая эти меры, партия исходила из интересов трудящегося крестьянства, а не капиталистических элементов. Снижение сельскохозяйственного налога более всего отразилось на положении бедняка и середняка. Распределение единого сельхозналога и водного налога между группами крестьян в 1924/25 и в 1925/26 гг. выразилось в следующих цифрах (в тыс. руб.)²⁰.

	1924/25	1925/26
Бедняки	19 160	9 747
Средняки	240 766	183 179
Предприниматели	52 988	51 896
Вся сумма налога	312 914	244 822

Таким образом, в 1925/26 г. классовый принцип обложения был сохранен, а позднее, в 1926/27 г., значительно усилен. Если же взять всю сумму налогов, уплачиваемых крестьянством, в том числе и косвенных, то окажется, что сумма, уплачиваемая кулаками, выросла в гораздо большей степени по сравнению с другими группами крестьянства (в тыс. руб.)²¹.

	1924/25	1925, 26		
Бедняки	72 329	84 599	увеличение на	16,9%
Средняки	514 529	611 354	»	18,8%
Предприниматели	99 966	139 018	»	39%

Нужно отметить, что, несмотря на рост абсолютных цифр, в целом тяжесть обложения крестьянства уменьшилась в 1925/26 г., так как значительно возросли доходы крестьян. Если в 1924/25 г. государственные и местные налоги составляли 7,3% дохода крестьян-хозяев (всех групп), то в 1925/26 г.—6,8%, в середняцкой группе соответственно — 7,5% и 6,7%²², а ведь как раз середняк был главной фигурой в земледелии.

Легализация условий найма рабочей силы и аренды земли улучшила положение батраков и бедняков, ибо теперь советский закон защищал их от кабальных сделок. В 1926 г. повысились средне-арендные цены на землю по сравнению с 1925 г. по Западной Сибири на 44,4%, в Среднем Поволжье на 58,3%, в ЦЧО — 63,9%²³. В связи с этим улучшились условия сдачи земли для бедняков. Ликвидация пережитков «военного коммунизма» содействовала некоторому рассасыванию аграрного перенаселения.

XIV съезд специально отметил в своей резолюции: «Съезд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении Советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством. Съезд констатирует, что только этот

²⁰ «Тяжесть обложения в СССР. Доклад комиссии Совета Народных Комиссаров Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза», М., 1929, стр. 95.

²¹ Там же, стр. 94. Подсчеты наши.— И. О.

²² Там же, стр. 118.

²³ И. Н. Ч и х и ч и н. Политика Коммунистической партии в деревне в период перехода к социалистической индустриализации страны (1925—1927 гг.), канд. дисс., Киев, 1960, стр. 63.

поворот партийной политики, вытекающий из изменившихся отношений между классами, коренным образом улучшил положение в деревне, поднял авторитет пролетариата и его партии среди крестьянства и создал прочную базу для широкой организаторской работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство»²⁴.

В свете этих фактов заявления Карра о неудаче политики XIV конференции и противопоставление ей решений XIV съезда об индустриализации исходят из непонимания главного — тесной взаимосвязи укрепления союза с трудящимся крестьянством и политики индустриализации (I, 316—317, 318).

Укрепление союза со средним крестьянством обеспечивало нормальную обстановку внутри страны для приступа к социалистической индустриализации. Увеличились также сырьевая и продовольственная базы промышленности²⁵, улучшились возможности социалистического накопления.

Игнорируя программу и практику партии в крестьянском вопросе, Карр не только видит в ее политике лишь «поощрение кулака», но и утверждает, что в 1925 г. «нелегко было видеть какой-либо другой курс для советского сельского хозяйства, который обещал произвести требуемые результаты», т. е. увеличить снабжение городов продовольствием, фабрик и заводов сырьем и т. д. По его мнению, развитие советского сельского хозяйства по социалистическому пути «никто из советских лидеров в это время не рассматривал серьезно как практическое» (I, 240).

Каково же в таком случае отношение Карра к ленинскому кооперативному плану, который тогда уже осуществлялся партией? Ведь именно на основе проведения этого плана в жизнь должны были укрепляться отношения сотрудничества между рабочим классом и крестьянством в период индустриализации. Эдвард Карр, следуя по существующей линии, давно уже предложенной теоретиками троцкистско-зиновьевской оппозиции, пишет, что кооперативы 20-х годов будут бы «начали все более и более служить интересам мелкого деревенского капиталиста, производительного и предприимчивого кулака» (I, 282).

В действительности советская кооперация как раз тем и отличалась от капиталистической, в частности от дореволюционной кооперации, что объединяла она в основном трудящихся крестьян — середняков и бедняков и служила их интересам.

Если взять сельскохозяйственную кооперацию в целом (1925), то по 48 союзам, охватывавшим 470 121 крестьянское хозяйство, без рабочего скота было 26,3% хозяйств, с 1 лошадию — 51,8%, с двумя — 15,5%, с тремя — 5,2%, с четырьмя и выше — 1,7%²⁶. Таким образом, на бедняцко-середняцкие хозяйства (первые 3 группы) приходилось 93,6% хозяйств. Почти такая же цифра (93%) приводилась на XIV съезде партии²⁷. В дальнейшем партия вела работу в направлении улучшения социального состава кооперации и ее выборных органов. К концу 1925 г. в выборных органах кооперации 91% составляли представители бедняцко-середняцких слоев. Число членов кооперативов росло быстрыми темпами. В сельскохозяйственной кооперации на 1 октября 1924 г. было 2674,6 тыс. членов, 1925—5361,4 тыс., 1926—

²⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, М., 1954, стр. 199.

²⁵ За время с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. на территории Союза было заготовлено (основными заготовителями) 579,6 млн. пуд. хлебопродуктов и маслосемян, в то время как в предыдущем году было заготовлено 409,4 млн. пуд. — увеличение на 41,6% («СССР. Год работы правительства», М., 1927, стр. 305).

²⁶ «Кооперация к XV съезду ВКП(б)», М., 1927, стр. 114.

²⁷ См. «XIV съезд Всероссийской. Коммунистической партии (большевиков)», Стеногр. отчет. М.—Л., 1926, стр. 69.

6905,6 тыс.²⁸. В потребительской кооперации по сельской сети на 1 октября 1925 г. было 5041 тыс. пайщиков, 1926—7260 тыс.²⁹. Кооперация охватывала все большие массы крестьянства, была им экономически выгодна. В кооперативной торговле цены на товары были ниже, чем в частной. Так, если цены частной торговли принять за 100, то цены в сельских потребительских обществах по промышленным товарам составляли в 1924/25 г.—88,7; в 1925/26 г.—88,5; в 1926/27 г.—85,8. Экономия сельского населения от покупки товаров через кооперацию составляла в 1924/25 г. 97,41 млн. руб. (из них 78,65 млн. руб. по промтоварам)³⁰. Сельскохозяйственная кооперация снабжала крестьян машинами, удобрениями, организовывала прокатные, зерноочистительные пункты, машинные, мелиоративные и другие товарищества, тем самым содействуя подъему производства, освобождению бедняков и середняков от кулацкой кабалы. «Школа коллективного хозяйствования для крестьянина»,—так говорилось о кооперации в резолюции XIII съезда партии³¹.

Правильное осуществление ленинского кооперативного плана обеспечивало укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства, подъем производительных сил и рост доходов крестьянства, несмотря на то, что крестьянство должно было взять на себя часть тягот, связанных с индустриализацией страны. Капиталовложения в сельское хозяйство составляли (в ценах 1925/26 г.): в 1924/25 г.—1460 млн. руб., в 1925/26 г.—1426, в 1926/27—1511, в 1927/28—1677 млн. руб.³². Из года в год росли основные фонды сельского хозяйства, причем не только в целом по стране, но и на каждое отдельное хозяйство. Основные фонды индивидуальных крестьянских хозяйств составляли: в 1925 г. 24 013,4 млн. руб. (в ценах 1927 г.), в 1926—25 280,2 млн. руб., в 1927—26 467,5 млн. руб.³³. На одно хозяйство приходилось в тех же ценах в среднем основных фондов: в 1925—1001,7 руб., в 1926—1028,0 руб. в 1927—1057,1 руб.³⁴. Часть средств вкладывалась в инвентарь, причем происходило не простое восстановление, а улучшение состава инвентаря. За 1926 г. общее количество орудий по поднятию почвы увеличилось на 5,5%, причем абсолютно снизилось количество более примитивных орудий (сох и др.), количество же плугов увеличилось на 8,9%. Число телег на железном ходу выросло за год на 11,2%. За три года (1924/25—1926/27) было приобретено 20 тыс. тракторов. Тягловая сила в сельском хозяйстве значительно увеличилась за счет прироста лошадей, который значительно превышал довоенный. До войны прирост лошадей был 1—1,5—2% в год, а в 1926 г.—8,8%, в 1927—8,1%³⁵. Денежные доходы крестьян выросли (в % к предыдущему году) в 1925/26 г. на 28,6%, в 1926/27 г.—на 8,7%, в 1927/28 г.—на 8,0%³⁶.

Но, несмотря на успехи в подъеме производительных сил, сельское хозяйство значительно отставало от промышленности по темпам своего развития. Этот разрыв увеличивался бы все более, если бы в ходе

²⁸ См. «Сеть сельскохозяйственной кооперации СССР. Сборник статистических материалов», М., 1929, стр. 7.

²⁹ См. «Потребительская кооперация в народном хозяйстве СССР», М., 1929, стр. 6.

³⁰ См. «Вся кооперация СССР. Справочник-ежегодник для кооператоров и хозяйственников», М., 1928, стр. 126.

³¹ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 39.

³² «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год», стр. 30.

³³ «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции», М., 1929, стр. 144—145.

³⁴ Там же.

³⁵ «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год», стр. 37.

³⁶ Подсчеты сделаны автором на основании данных справочников «Контрольные цифры народного хозяйства» на 1927/1928 г. (стр. 551) и 1928/1929 г. (стр. 448—449).

индустриализации страны не было начато создание новой материально-технической базы для сельского хозяйства. Условия для использования машинной техники создавались в ходе осуществления ленинского кооперативного плана. Ленинский кооперативный план и индустриализация тесно взаимосвязаны как части плана построения социализма. Построение социализма отвечало интересам не только рабочего класса, но и трудового крестьянства, оно было целью рабоче-крестьянского союза.

Индустриализация, вопреки Карру, означала не разрыв с крестьянством (это сделало бы невозможным ее осуществление), но укрепление и углубление рабоче-крестьянского союза, так как подводила под него новую хозяйственную базу и вела к ликвидации той противоположности города и деревни, на которой основывалась эксплуатация деревни городом при капитализме.

5. КАРР О РОЛИ ПРОЛЕТАРИАТА В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Отдельную главу в первом томе Карр посвящает положению рабочих в 1924—1926 гг., однако роль рабочего класса в индустриализации СССР не находит в ней раскрытия даже в хронологических рамках книги.

Из карровского противопоставления «диктатуры партии» диктатуре пролетариата, о котором говорилось выше, вытекает противопоставление партии и профсоюзов и далее — непонимание и искажение задач и роли профсоюзов в условиях, когда пролетариат стал классом, взявшим государственную власть. Карр считает, что профсоюзы вообще были неспособны выполнять свою функцию защиты интересов рабочих в виду того, что Коммунистическая партия осуществляет руководство профсоюзами и она же направляет хозяйственную политику (I, 417, 418). Участие профсоюзов в борьбе за более высокую производительность труда, за проведение в жизнь политики партии, по его мнению, делало невозможной защиту ими экономических интересов рабочих. И уж, конечно, профсоюзы никуда негодны, если они отказываются поддержать любое требование рабочих о повышении зарплаты. Взяв за критерий эту старую тред-юнионистскую мерку, английский историк как будто забыл, что речь идет не о буржуазной Англии, а социалистической стране.

В. И. Ленин дал точное определение роли профсоюзов в системе диктатуры пролетариата. С одной стороны, это организация «правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение». «Но это не есть организация государственная,— пишет В. И. Ленин,— это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»³⁷.

В условиях социалистического государства интересы рабочего класса находятся в тесной зависимости от хозяйственных успехов социалистического государства. Следовательно, участие профсоюзов в хозяйственном строительстве служит, в конечном счете, тем же целям, что и непосредственная защита экономических интересов рабочих,— улучшению их материального положения.

Вопреки этому Карр старается доказать, что якобы существовало противоречие между ближними и дальними интересами пролетариата: стремлением к улучшению материального положения и целью, которую ставила партия,— построением социализма. Советский рабочий класс в книге Карра выступает не как активный участник великого строи-

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 2.

тельства, а лишь как пассивная масса, которой профсоюзные руководители навязывали партийные решения.

Карр пишет, что в ходе борьбы за построение социализма «пропасть» между профсоюзными руководителями и «безмолвными массами» буд-то бы должна была углубляться и расширяться (I, 413). По его мнению, отрыв профсоюзного руководства от масс в годы индустриализации — явление неизбежное. Он совершенно произвольно истолковывает партийные решения по вопросу о профсоюзах. Так, решение Пленума ЦК в октябре 1925 г., указавшего, что, наряду с расширением работы по втягиванию масс в хозяйственное строительство, профсоюзы не должны забывать другую свою роль — «представителя и защитника экономических интересов рабочих»³⁸, Карр считает «делом тактики» (I, 410).

Если бы дело обстояло действительно так, как стремится представить Карр, дело индустриализации, дело социализма было бы обречено на неудачу. Но это было не так. По мере развертывания индустриализации активность рабочего класса, его сознательное творческое участие в этом процессе неуклонно возрастали. Карр, хотя и признает, что «кампания» за повышение производительности труда имела успех, однако о таком важном начинании, как производственные совещания, пишет мимоходом всего несколько слов (I, 363, 400, 403).

Между тем возникшие в начале 1924 г. производственные совещания быстро охватили большую массу рабочих. В январе 1924 г. на Балтийском заводе образовался производственный кружок³⁹ (позднее производственные кружки были переименованы в производственные совещания), а через год, к 1 февраля 1925 г., в производственных кружках состояло 25 тыс. ленинградских рабочих. На 1 февраля 1925 г. производственные совещания существовали на 184 из 229 ценовых предприятий Ленинграда, причем на предприятиях, где в это время имелись производственные совещания, работало 145,8 тыс. человек, т. е. 96,8% всех рабочих Ленинграда⁴⁰. За время работы производственных совещаний в 1924 — начале 1925 г. на предприятиях Ленинграда ими было передано заводской администрации 6156 предложений, касающихся улучшения производства, из них отвергнуто было только 5,8%⁴¹. В апреле 1926 г., когда уже по всей стране развертывалась борьба за осуществление решений XIV съезда об индустриализации, производственные совещания в Ленинграде насчитывали 42 тыс. участников⁴². Правда, в Ленинграде процент рабочих, участвующих в производственных совещаниях, был выше, чем по всей стране, но и в целом по стране производственные совещания играли значительную роль — накануне VII съезда профсоюзов в них было вовлечено 10% рабочих. Осуществление предложений совещаний давало большую экономию средств. Так, на Тульском заводе № 1 экономия составила более 200 тыс. руб. за 1924/25 г. По ленинградской металлопромышленности от выполнения предложений совещаний, внесенных в течение одного квартала, ожидалась экономия в 450 тыс. руб. в год⁴³. Это был существенный вклад в индустриализацию.

Участие рабочих в производственных совещаниях имело большое значение для развития новых форм активности рабочих. Они были предшественниками ударных бригад и массового социалистического

³⁸ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 185.

³⁹ См. О. И. Шкаратан. К истории первых производственных совещаний на предприятиях Ленинграда (1921—1924 гг.), «Вестник ЛГУ», 1961, № 8, серия истории, языка и литературы, вып. 2, стр. 153.

⁴⁰ См. «Вестник профсоюзов», Л., 1925, № 3, стр. 7.

⁴¹ См. там же, стр. 12.

⁴² «Вестник труда», 1926, № 5, стр. 120.

⁴³ «Профессиональные союзы СССР, 1924—1926. Отчет ВЦСПС к VII съезду профессиональных союзов», М., 1926, стр. 278, 280.

соревнования. Так, на заводе «Красный треугольник» общезаводское производственное совещание в 1926 г. охватывало 3000 рабочих⁴⁴. Позднее одна из первых ударных бригад возникла именно на этом заводе.

Производственные совещания, комиссии, переключки, ударничество и социалистическое соревнование были проявлением нового, коммунистического отношения к труду. Именно подъем и героизм масс был залогом успеха социалистической индустриализации.

Такого подъема и героизма масс капиталистическое общество не знало и не знает: не поэтому ли Карр, отождествляющий социалистическую индустриализацию с капиталистической, вынужден, по сути дела, умалчивать о них. Конечно, трудности в деле осуществления индустриализации были, и немалые, и великая заслуга партии состоит в том, что она сумела поднять массы на борьбу за их преодоление, за построение социализма.

* * *

Что можно сказать в заключение? На примере освещения Карром некоторых проблем индустриализации СССР можно видеть, что его идейные позиции типичны для современной буржуазной исторической науки: отрицание объективных условий для пролетарской революции в России, поиски в русском прошлом аналогий с настоящим; отождествление капиталистической и социалистической индустриализации по целям и методам осуществления. Тем не менее Карр пытается дать широкий экономический анализ положения в нашей стране. В связи с этим Р. Шлезингер отмечает, что не случайно Карр именно таким образом построил свою книгу «Социализм в одной стране», что в первом томе оказались экономические проблемы, а во втором — вопросы внутрипартийной борьбы и политической жизни⁴⁵.

Противоречия пронизывают все работы Карра. Это и понятно, ибо он эклектически сочетает самые различные концепции. Выше говорилось, что Карр применяет к истории теорию о взаимодействии «сдвигов» и «преемственности». Но эта теория начинает трещать по швам, когда Карр приступает к конкретно-историческому анализу и ему приходится совсем обходить ее в своих книгах по философии истории («Новое общество», «Что такое история?»), ибо она, несомненно, никак не согласуется с идеей о прогрессивном развитии общества, которой придерживается Карр. Излагая историю Советской России, Карр стремится понять суть происходящих здесь социально-экономических процессов, но так и не раскрыв эту суть, прибегает к помощи волюнтаризма, строя теорию о господстве в XX в. «фактора политики» (I, 125, 128). Выводя социалистическую индустриализацию из дореволюционного развития России, Карр все же отмечает, что «социализм в одной стране» в основном обращен в будущее: «Призыв к национальному чувству был призывом не к России прошлого, но к новой сущности, которая создаст новый мир своими собственными средствами» (II, 50).

Противоречивость идейных позиций Карра, желание занять какую-то «среднюю линию» между предвзятыми теориями буржуазной науки и методологией марксизма, сочетание разнородных, а то и взаимоисключающих теоретических посылок является причиной довольно своеобразного положения Карра в западной исторической науке.

Если взять откровенных историков-антикоммунистов, то они с явным осуждением относятся к объективизму Карра, все время пытаясь подтолкнуть его вправо, заставить отказаться от неугодных им признаний. «Закрываешь книгу с чувством или, по крайней мере, с подозрением, — пишет в своей рецензии на первый том книги «Социализм в одной

⁴⁴ «Вестник труда», 1926, № 5, стр. 120.

⁴⁵ «Soviet Studies», April 1960, p. 402.

стране» Норман Томас,— что ее автор сознательно или несознательно списывает то, что случилось позднее, как действительно неизбежный процесс в ходе достижения „социализма в одной стране”». Выражая свое несогласие с Карром, Норман Томас оспаривает, «что „социализм”, хотя бы (!) в определении Маркса или Ленина, был достигнут в одной стране, как позднее утверждал Сталин». Он встречает в штыки всякий намек на то, что социализм в СССР действительно построен и именуется Советский строй «тоталитарным государственным капитализмом»⁴⁶.

Использование Карром советских источников, официальных документов также вызывает раздражение наиболее рьяных антикоммунистов, таких, как Фейнсон, Вулф. Бертрэм Вулф не просто выражает недовольство «его исключительной зависимостью от большевистских источников»⁴⁷, твердит об ограниченности «документального метода» Карра, но и дает ему напутствие: «Он должен проникнуть под эту поверхность (официальных документов.— *И. О.*) в попытке добраться до лежащей под ней реальности и ненапечатанных и часто не пущенных в обращение „документов“»⁴⁸.

С другой стороны, некоторые прогрессивные тенденции в творчестве Карра не могут не встретить сочувствия со стороны марксистской историографии. В недавно вышедшей книге «Что такое история?» Карр подверг резкой критике упадочнические теории общественного развития, господствующие в буржуазной науке, причем он пытается вскрыть социальную причину появления таких теорий. Так, он пишет об А. Тойнби: «Тойнби сделал отчаянную попытку заменить взгляд на поступательный ход истории циклической теорией— идеология, характерная для общества, находящегося в упадке»⁴⁹. Сам Карр считает, что общество движется вперед. Революцию 1917 г. в России и национально-освободительное движение в странах Азии и Африки он рассматривает как «прогрессивное развитие в перспективе мировой истории»⁵⁰. Журнал английских коммунистов «Marxism Today» оценил книгу Карра «Что такое история?» (автор статьи Э. Хобсбоум) как «мощный и блестящий залп против исторического обскурантизма»⁵¹. Английские коммунисты поддерживают тех буржуазных ученых (несмотря на то, что во многом несогласны с ними), которые отстаивают историю как науку, служащую гуманизму и прогрессу в истории общества. «Мы присоединяемся к нему (к Карру.— *И. О.*) против реакционеров,— пишет Э. Хобсбоум,— в убеждении, что история может обобщать, может «давать уроки», может предсказывать, может исследовать мир путями, полностью сравнимыми с теми, которые используются „науками”, особенно сегодня, когда даже традиционные естественные науки становятся более историческими, чем они были обычно. Мы присоединяемся к нему в нашем оптимизме и вере в прогресс»⁵².

Нельзя не приветствовать призывы Карра к реализму и здравому смыслу в политике перед лицом происходящих в мире изменений. Еще в 1951 г. в разгар «холодной войны» Карр писал об «ущербе», нанесенном пониманию происходящих в мире событий антикоммунизмом, «отпугивающим людей от того, чтобы делать разумные вещи»⁵³.

Эти положительные тенденции творчества Карра не могут не вызвать сочувственного отношения советских историков, хотя основы методологии Карра остаются чуждыми марксистской науке.

⁴⁶ «Saturday Review», 31 January 1959, p. 29.

⁴⁷ «New York Times Book Review», 1 March 1959, p. 18.

⁴⁸ «New York Times Book Review», 17 April 1960, p. 23.

⁴⁹ E. H. Carr. What is History? London, 1961, p. 37.

⁵⁰ Ibid., p. 143.

⁵¹ «Marxism Today», February 1962, p. 47.

⁵² Ibid., p. 48.

⁵³ E. H. Carr. The New Society, p. 89.